

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾).

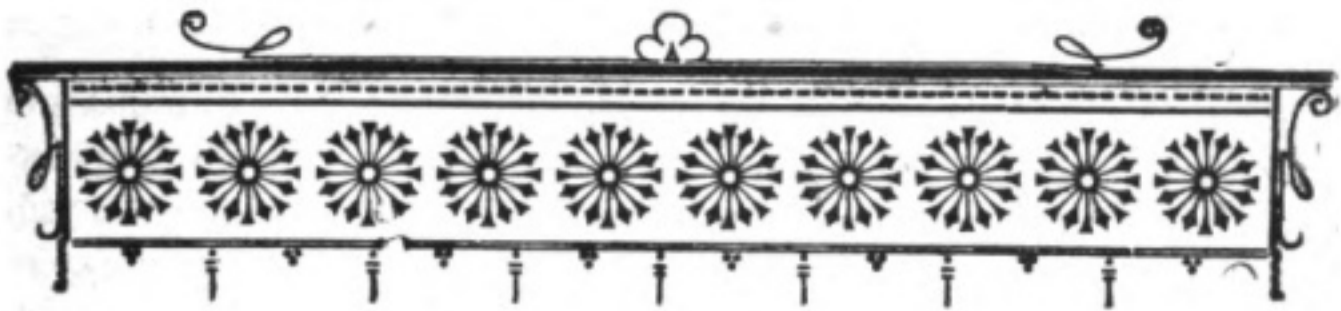
(Е. А. Кожуховъ.—М. П. Соловьевъ.—М. О. Вольфъ.—С. П. Бѣляевъ).

Е. А. Кожуховъ.

Вочтеннѣйшій Евгеній Алексѣевичъ, по свойственной ему скромности, врядъ ли самъ когда-нибудь претендовалъ на роль виднаго администратора. Занявъ постъ Предсѣдательствующаго въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, онъ старался нести свои служебныя обязанности съ достоинствомъ, удовлетворять требованіямъ начальника и по мѣрѣ возможности не слишкомъ притѣснять нашего брата-писателя. Словомъ, онъ былъ, что называется, средняго калибра администраторомъ, не отличаясь ни въ худую, ни въ хорошую сторону. Но такіе администраторы лучше всего выясняютъ истинное значеніе установленной системы. Они вѣдь являются главными работниками, потому что во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности посредственности составляютъ подавляющее большинство.

Какъ живо я помню невысокую фигуру Е. А. Его голова не соответствовала его туловищу: послѣднее не было внушительно; зато голова, когда Е. А. сидѣлъ, производила впечатлѣніе головы сѣдого, браваго каптенармуса, приставленнаго хранить доброкачественность литературнаго довольствія русскаго читателя. Я часто бывалъ въ его предсѣдательскомъ кабинетѣ, столь памятномъ писателямъ, но здѣсь расскажу лишь о наиболѣе интересномъ столкновеніи, бросающемъ яркій свѣтъ на тогдашніе цензурные порядки.

¹⁾ См. „Русскую старину“ январь 1902 г.

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾.

(Е. А. Кожуховъ.—М. П. Соловьевъ.—М. О. Вольфъ.—С. П. Бѣляевъ).

Е. А. Кожуховъ.

Вочтеннѣйшій Евгеній Алексѣевичъ, по свойственной ему скромности, врядъ ли самъ когда-нибудь претендовалъ на роль виднаго администратора. Занявъ постъ Предсѣдательствующаго въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, онъ старался нести свои служебныя обязанности съ достоинствомъ, удовлетворять требованіямъ начальника и по мѣрѣ возможности не слишкомъ притѣснять нашего брата-писателя. Словомъ, онъ былъ, что называется, средняго калибра администраторомъ, не отличаясь ни въ худую, ни въ хорошую сторону. Но такіе администраторы лучше всего выясняютъ истинное значеніе установленной системы. Они вѣдь являются главными работниками, потому что во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности посредственности составляютъ подавляющее большинство.

Какъ живо я помню невысокую фигуру Е. А. Его голова не соответствовала его туловищу: послѣднее не было внушительно; зато голова, когда Е. А. сидѣлъ, производила впечатлѣніе головы сѣдого, браваго каптенармуса, приставленнаго хранить доброкачественность литературнаго довольствія русскаго читателя. Я часто бывалъ въ его предсѣдательскомъ кабинетѣ, столь памятномъ писателямъ, но здѣсь расскажу лишь о наиболѣе интересномъ столкновеніи, бросающемъ яркій свѣтъ на тогдашніе цензурные порядки.

¹⁾ См. „Русскую старину“ январь 1902 г.

Это было въ 1892 г. Я составилъ жизнеописаніе Каткова для біографической бібліотеки Павленкова, и оно цензурѣ не понравилось. Поговорилъ я съ цензоромъ Коссовичемъ, читавшимъ рукопись, спросилъ его, что въ ней нецензурнаго. Онъ улыбнулся, отвѣтивъ: „ничего не цензурнаго нѣтъ; но пропустить не могу. Пусть предсѣдатель пропуститъ, и я порадуюсь за васъ“. Какъ я его ни убѣждалъ ссылкой на то, что въ моей біографіи ничего, кромѣ несомнѣнныхъ фактовъ, нѣтъ, онъ повторялъ свое: „не могу, не могу“, и только развѣ посовѣтовалъ обратиться къ другому цензору, у котораго каменный домъ гдѣ-то въ Петербургѣ: тотъ-де пропуститъ; ему и въ отставку выйти ничего не значить. Такъ я Коссовича не убѣдилъ, и пришлось обратиться къ предсѣдательствующему.

Кожуховъ, повидимому, былъ уже предупрежденъ и съ первыхъ же словъ моихъ, какъ и Коссовичъ, отрѣзалъ: „Не могу“. Сказано это было въ такомъ категорическомъ тонѣ, что мнѣ оставалось только откланяться и уйти. Но очень мнѣ ужъ досадно было, такъ какъ въ моей біографіи ничего нецензурнаго не было. Поэтому я не удержался и иронически выразилъ надежду, что когда я умру, то цензура будетъ меня такъ же горячо защищать, какъ она теперь защищаетъ Каткова.

Кожуховъ слегка вспылилъ, возразивъ, что Катковъ — не простой публицистъ, а до нѣкоторой степени государственный дѣятель, выражавшій взгляды правительства. Мнѣ, біографу Каткова, эта мысль, хотя и очень распространенная, показалась въ устахъ Кожухова ужъ черезчуръ наивною. Поэтому я спросилъ почтеннаго Евгенія Алексѣевича, когда собственно Катковъ былъ выразителемъ правительственныхъ взглядовъ.

— Всегда, если не ошибаюсь, — отвѣтилъ Кожуховъ, иронизируя въ свою очередь.

— Т. е. когда онъ защищалъ конституціонный строй, или реальную систему гимназическаго образованія, или свободу торговли, или союзъ съ Германіею противъ союза съ Франціей, когда онъ утверждалъ, что министерство финансовъ сплошь состоитъ изъ нигилистовъ, а министерство иностранныхъ дѣлъ — изъ государственныхъ воровъ, когда онъ провозглашалъ, что сенатъ вступилъ съ земствами въ заговоръ противъ правительства, а государственный совѣтъ играетъ въ парламентаризмъ, когда онъ громогласно пророчествовалъ вслѣдъ за ужаснымъ событіемъ перваго марта, что „еще нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, недѣль прежняго режима — и крушеніе было бы неизбежно“.

— Да неужели Катковъ все это говорилъ? — нѣсколько удивился Кожуховъ.

— Вы, Евгенийъ Алексѣевичъ, моей біографіи, значить, не читали?—спросилъ я въ свою очередь.

— Да не все ли равно,—возразилъ Кожуховъ.—Слушайте. Ваша біографія очень неблагопріятна для Каткова. У него вдова, сынъ... они имѣютъ вліяніе и никогда мнѣ не простятъ...

— И такъ, мое дѣло безнадежно?

— Ужъ простите, — сказалъ Евгенийъ Алексѣевичъ и, вставъ, протянулъ мнѣ примирительно руку. Я больше не возражалъ, потому что мнѣ было хорошо извѣстно, что у него, какъ и у Коссовича, каменнаго дома нѣтъ.

Интересна дальнѣйшая судьба біографіи Каткова. Помимо моего вѣдѣнія, она была представлена Павленковымъ дерптскому цензору, который, очевидно, ничего не зная о вліяніи вдовы и сына Каткова, ее одобрилъ къ печати, и она появилась въ свѣтъ. Но не долго она красовалась въ книжныхъ магазинахъ. По всей Россіи разосланъ былъ циркуляръ, повелѣвавшій немедленно изъять ее изъ обращенія. Подъ такимъ запретомъ она пролежала четырнадцать лѣтъ, а затѣмъ въ 1906 г. безъ всякихъ измѣненій вошла въ собраніе моихъ сочиненій, а въ 1910 году разрѣшена была къ продажѣ и въ первоначальномъ своемъ видѣ, т. е. въ качествѣ отдѣльнаго выпуска біографической бібліотеки Павленкова; очевидно, теперь въ ней ничего нецензурнаго уже нѣтъ.

М. П. Соловьевъ ¹⁾).

Столкновение мое съ бывшимъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати произошло по поводу печатанія въ „Нивѣ“ романа гр. Л. Н. Толстого: „Воскресенія“. Я тогда состоялъ редакторомъ этого журнала и слѣдовательно былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ трудною задачею напечатать въ очень распространенномъ и дешевомъ журналѣ произведеніе нецензурное и именно въ такое время, когда во главѣ цензурнаго вѣдомства стоялъ человѣкъ, пользовавшійся, какъ говорили, особеннымъ расположеніемъ К. П. Побѣдоносцева, т. е. отъявленнаго врага Толстого.

Зная однако по опыту, что, когда рѣчь заходитъ о правительственныхъ дѣтеляхъ, у насъ обыкновенно „чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ“, я рѣшилъ, миновавъ низшія инстанціи, обратиться прямо къ М. П. Соловьеву.

¹⁾ Статья эта должна была слѣдовать послѣ статьи Л. Н. Толстой въ январьской книгѣ с. г. Ред.

Онъ принялъ меня любезно, но чуть только я заикнулся о томъ, что меня къ нему привело, онъ перемѣнилъ тонъ.

— Не знаю, зачѣмъ вамъ въ „Нивѣ“ понадобился этотъ старый циникъ,—отрѣзалъ онъ.—Рѣшили печатать,—ну, и печатайте, а меня, пожалуйста, не втягивайте въ эту игру.

Я видѣлъ, что наткнулся на серьезное препятствіе, и что надо пустить въ ходъ тяжелую артиллерію.

— Цензоромъ Пушкина,—началъ я:—былъ Императоръ Николай Павловичъ. Толстой, конечно, не Пушкинъ, но цензоромъ его можете быть только вы...

Лѣвый воспаленный глазъ Соловьева внимательно устремился на меня. Я не кривилъ душой: мнѣ въ самомъ дѣлѣ казалось, что цензура и даже предсѣдатель цензурнаго комитета не могли въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ чувствовать себя достаточно свободными, чтобы сколько-нибудь бережно отнестись къ роману Толстого, и потому спокойно вынесъ устремленный на меня взглядъ. Соловьевъ, повидимому, остался доволенъ молчаливымъ экзаменомъ, которому онъ меня подвергъ, т. е. повѣрилъ въ мою искренность.

— Хорошо, отвѣтилъ онъ просто,

И вотъ я сталъ посылать или заносить Соловьеву просмотрѣнный мною романъ по частямъ, и жаловаться на Соловьева я не имѣлъ основанія. Брюзжалъ онъ, правда, не мало. Ничего ему въ романѣ не нравилось: „Развѣ можно называть крестъ щепоткой, говорить о развеселомъ пѣніи въ храмѣ, утверждать, что Богъ—не что иное, какъ сознаваемое человѣкомъ добро—вѣдь это ересь! Развѣ судопроизводство, какъ оно описано у Толстого, не слабѣе и не тусклѣе чѣмъ у Достоевскаго въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ и т. д. Обыкновенно Соловьевъ кончалъ тѣмъ, что возмущался, какъ это Марксъ могъ заплатить бѣшенныя деньги за такой грязный романъ. „Согласитесь, что если бы вамъ его прислалъ кто-нибудь другой, вы-бы его не напечатали даже даромъ“,—говорилъ онъ.

Но, повторяю, Соловьевъ пропускалъ гранку за гранкой, а за воркотню я конечно въ претензіи не былъ. Рассказываю же я все это для того, чтобы выяснитъ нѣкоторыя частности моего столкновенья съ самимъ Л. Н. Толстымъ.

М. О. Вольфъ.

И крупные люди имѣютъ, какъ извѣстно, слабости. Покойный Маврикій Осиповичъ былъ въ избранной имъ области несомнѣнно крупный дѣятель, свидѣтельствомъ чему служатъ созданное имъ предпріятіе и многочисленныя его изданія. Эти изданія давали работу не только наборщикамъ, но и многимъ литераторамъ.

Предложилъ Вольфъ незадолго до смерти, въ 1882 г., и мнѣ работу для задуманнаго имъ изданія Мицкевича на русскомъ языкѣ. Просилъ онъ меня приготовить для этого изданія курсъ славянской литературы, читанный поэтомъ въ Collège de France въ началѣ 40-хъ годовъ, и его Переписку. Плату онъ мнѣ назначилъ довольно умеренную, но при расчетѣ оказалось, что онъ и на ней хотѣлъ кое-что съэкономить, именно „бѣлыя мѣста, окончанія главъ и т. д.“ Въ общемъ это составило, какъ теперь помню... 8 р. 62 к. Мнѣ стало смѣшно, и въ то же время заинтересовалъ вопросъ: неужели такой крупный издатель можетъ быть настолько мелочнымъ, чтобы вступать въ серьезныя пререканія изъ-за такого пустяка.

И вотъ по этому поводу у насъ завязалась переписка—да какая! Правда, утонченно-вѣжливая, но на многихъ листахъ прекрасной бумаги, съ соблюденіемъ всѣхъ канцелярскихъ правилъ, съ подвохами, подчеркнутымъ дѣловымъ глубокомысліемъ, ссылками на тотъ или другой пунктъ заключеннаго условія—словомъ, со всѣми ухищреніями заправскаго русскаго бюрократа, хотя покойный Вольфъ, какъ извѣстно, былъ даже не русскій, а польскій еврей.

Вотъ на какой почвѣ я съ нимъ столкнулся. Послѣ долгой переписки я побѣдилъ и получилъ свои 8 р. 62 к., но вѣроятно, благодаря лишь тому, что мнѣ предстояла еще работа у Вольфа, и ему невыгодно было со мною ссориться.

Вотъ по поводу этой работы я какъ-то къ нему заѣхалъ для переговоровъ, и онъ меня попотчивалъ великолѣпной гаванской сигарой. Мы скоро сговорились, и я уѣхалъ, продолжая курить на улицѣ (дѣло происходило весной). Работалъ я тогда вмѣстѣ съ покойнымъ В. О. Михневичемъ въ „Новостяхъ“. Я его засталъ въ редакціи, и когда я вошелъ съ своею сигарою, онъ меня спросилъ, откуда я, и съ какихъ поръ сталъ курить такія превосходныя сигары. Самъ Михневичъ былъ большой любитель сигаръ. Я ему отвѣтилъ, что я—отъ Вольфа, и что именно онъ меня попотчивалъ, дѣйствительно, прекрасной сигарой, которую я съ большимъ удовольствіемъ и докуриваю. „Ахъ онъ... (тутъ вырвалось у Михневича крѣпкое слово)—вѣдь я тоже отъ него,—продолжалъ онъ:—и взгляни, какую сигару онъ мнѣ далъ,—до сихъ поръ отдышаться отъ нея не могу“. Онъ взялъ изъ пепельницы недокуренную сигару, и по одному ея виду можно было заключить, что это—одна изъ тѣхъ сигаръ, которыя курятъ только на воздухѣ, да при томъ на горѣ и непремѣнно при сильномъ вѣтрѣ. Что же это значитъ?—взглянули мы другъ на друга. Отчего Вольфъ одному изъ насъ предложилъ прекрасную сигару, а другому отвратительную? Дѣло

объяснялось просто: со мною Вольфъ въ заказѣ сошелся, а съ Михневичемъ разошелся,—каково дѣло, таковъ и табакъ.

Но ужъ это было столкновение Вольфа не со мною, а съ Михневичемъ.

С. П. Бѣляевъ.

Покойный членъ Государственной Думы Сергѣй Петровичъ Бѣляевъ, младшій братъ столь извѣстнаго и заслуженнаго въ музыкальномъ мірѣ Митрофана Петровича, уже юношей обратилъ на себя вниманіе и вотъ по какому поводу. Мы съ нимъ почти одновременно были въ Петро-Павловской школѣ; онъ былъ только годомъ моложе и шелъ классомъ ниже. Слылъ онъ за большого вольнодумца. Кажется, такъ повліяла на него семья. Между прочимъ онъ не давалъ покоя нашему законоучителю, о. Боголюбову, вѣчно предлагая ему въ корридорѣ щекотливые вопросы. Онъ притворялся рѣшительно непонимающимъ, что собственно значить: „Не прелюбы сотвори“ и требовалъ такихъ поясненій, которыя были неудобны. Такихъ вопросовъ у него было много, и они очень раздражали батюшку, который усматривалъ въ нихъ злой умыселъ. Я любилъ батюшку и останавливалъ Бѣяева, и изъ-за этого у насъ выходили ссоры.

Разъ какъ-то послѣ такого вопроса батюшка пригрозилъ Бѣяеву, что онъ его провалитъ на выпускномъ экзаменѣ, до котораго оставалось уже немного времени. Бѣяевъ струсилъ и заявилъ объ этой угрозѣ директору, которымъ тогда состоялъ профессоръ греческой словесности И. Б. Штейнманъ — личность во многихъ отношеніяхъ замѣчательная. Директоръ очень внимательно выслушалъ Бѣяева и посоветовалъ ему только хорошенько подготовиться, такъ какъ, если онъ будетъ знать свой предметъ, то конечно никто его не провалитъ. Бѣяевъ дѣйствительно постарался и вы зубрилъ и катехизисъ, и богослуженіе, и исторію церкви на зубокъ; къ тому же экзаменъ происходилъ въ присутствіи директора, инспектора, нѣсколькихъ учителей и представителя отъ министерства. Гарантія была слѣдовательно полная. И тѣмъ не менѣе батюшка провалилъ Бѣяева, да еще какъ,—что называется съ блескомъ и трескомъ.

И какъ просто онъ принялся за дѣло. Бѣяеву попались билеты легкіе. Немного смутило, что изъ катехизиса ему попался билетъ тринадцатый, но и этотъ билетъ (о четвертомъ и слѣдующихъ прошеніяхъ) онъ хорошо зналъ и былъ въ себѣ увѣренъ. Съ катехизиса и начался экзаменъ. Бѣяевъ уже собирался объяснить, что слѣдуетъ разумѣть подъ хлѣбомъ насущнымъ и съ какими

мыслями должно просить Бога о немъ, какъ вдругъ о. Боголюбовъ спрашиваетъ: „Прочтите мнѣ, Бѣляевъ, всю молитву Господню“. Бѣляевъ началъ очень бойко, но затѣмъ какъ-бы оробѣлъ, прочелъ четвертое прошеніе раньше третьяго, и это его до того смутило, что на пятомъ онъ запнулся и, увидѣвъ торжествующій взглядъ батюшки, окончательно растерялся.

О. Боголюбовъ обратился къ остальнымъ экзаменаторамъ съ вопросомъ, стоитъ ли послѣ этого продолжать. И всѣ, какъ одинъ человекъ, отрицательно покачали головами. Дѣйствительно, можно ли было экзаменовать изъ Закона Божія ученика, который не зналъ даже молитвы Господней?

Бѣляеву пришлось оставаться въ выпускномъ классѣ еще годъ. Батюшка сообразилъ, что Бѣляевъ никогда не молился и въ церкви не бываетъ, и поэтому легко можетъ сбиться на молитвѣ Господней, а переводить ученика, ее не знающаго, конечно невысказано. Мельба батюшки была вѣрно задумана.

Р. Сементковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

